

СЦЕНЫ ИЗ ЛИЦЕЙСКОЙ ЖИЗНИ

Театрализованная композиция по книге Л. Рубинштейна “В садах Лицея”.

Полещенко Ольга Николаевна, учитель
русского язык и литературы ГАОУ СО
«МЭЛ им. А.Г. Шнитке»

Музыка.

1 чтец. “Пушкин - наше все,” - сказал Аполлон Григорьев. Это наша поэзия, литература, язык, это и наши духовные ориентиры, которые поэт задал России на века.

2 чтец. Два чувства дивно близки нам -

В них обретает сердце пищу -
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века,
По воле Бога самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.

1 ведущий. Откуда же это самостоянье и величие Пушкина? С чего все начиналось?

Музыка.

2 ведущий. Кабинет отца. Эта комната была его любимой в доме. Здесь всегда было тихо, чуть-чуть прохладно, и успокаивающе тикали на камине старинные английские часы. А главное - за зеленой штофной занавеской книжного шкафа пряталось множество интересных книг.

3 ведущий. Сергей Львович гордился своей библиотекой. Все, что можно было купить ценного в книжных лавках, покупалось, все, что можно было выписать, - выписывалось. В библиотеке Сергея Львовича можно было найти и редкие издания, и альбомы с эстампами, и многое другое. Пушкины не были богатыми людьми и нередко в чем-то себе отказывали, но в покупке книг - никогда, хотя книги стоили очень дорого.

4 ведущий. Чего только нет в библиотеке! Здесь “Сравнительные жизнеописания” римского историка Плутарха, “Илиада” и “Одиссея” Гомера, “Неистовый Роланд” - старинная французская повесть в стихах. И, конечно же, книги писателя Карамзина, который был желанным гостем в доме Пушкиных.

Комната в доме Пушкиных.

Бабушка. Сашенька! Куда ты запропастился? Ах, вот ты где! А я сказала твоей матушке, что ты в классной, уроки готовишь, латынь учишь.

Пушкин. Да ты правду сказала, что я учусь.

Бабушка. Ну как правду, когда ты вон сколько отцовских книг переворошил. И все их читал?

Пушкин. А разве чтение не учение? Ты же сама мне говорила, что чтение - лучшее учение.

1 Ведущий. Александру шел 12-й год. Пушкины жили в Немецкой слободе, возле своих дальних родственников Бутурлиных. Однажды светлым майским днем в кабинете графа Бутурлина сидели его гости: писатель и историк Карамзин, поэт Дмитриев и несколько молодых литераторов, а Саша потихоньку примостился у окна с книгой.

2 ведущий. Зашел разговор о знаменитой рукописной книге “Слово о полку Игореве”. Саша с интересом прислушивался к разговору. Он уже слышал от отца об этой бесценной древнерусской рукописи, несколько лет назад случайно обнаруженной в одном ярославском монастыре графом Мусиным-Пушкиным, большим любителем и знатоком старины.

3 ведущий. Вдруг Сергей Львович заметил сына, который, затаив дыхание, слушал “взрослый” разговор.

Отец. Александр! Почему Вы здесь? Почему не со сверстниками? Ступайте к ним!

3 ведущий. А вечером случилось невероятное: отец сам попросил Александра прочитать стихи перед гостями.

Пушкин. Читать свои стихи в присутствии самого Карамзина! Нет! Это невозможно!

Чиби́сов. Разрешите, господа, я прочту стихи Александра.

Взошла луна над дремлющим заливом,
В глухой туман окрестности легли,
Полночный ветер качает корабли
И в парусе шумит нетерпеливом.
Взойдет заря- далек их будет строй.
Остри свой меч, воитель молодой!

Пушкин. O mon dieu! Зачем... Ах, зачем он это сделал? Как стыдно! А может быть... Нет! Читать перед Карамзиным? Что он скажет?! Нет, нет!

3 ведущий. В библиотеке Бутурлиных его нашел гувернер Мишеля Бутурлина француз Жиле.

Жиле. Мы все сожалеем, что вы лишили нас своего общества! Сам Николай Михайлович Карамзин с большой похвалой отозвался о ваших стихах. Вас все ждут, требуют к себе. Идемте же!

Музыка.

4 ведущий. Первым о лицее услышал дядя, Василий Львович. Он достоверно узнал, что Лицея - это новое и особенное учебное заведение для детей из самых знатных семейств, где учить будут лучшие профессора и где, по слухам, будут воспитываться великие князья, младшие братья самого государя императора. И лицей будет находиться в Царском Селе, рядом с дворцом, нет, почти во дворце! Каково?! Правда, есть один недостаток: учить будут не по-французски, а по-русски.

Дядя. Мы, мон шер, не французы! Довольно отдавать детей в руки французских шалопаев и иезуитов. Кеске ву дит?

Мать. А чему учить-то будут?

Дядя. Будут готовить юношей для важной государственной службы. Надобно служить Отечеству.

Мать. А долго ли учение?

Дядя. 6 лет. Прошу заметить - в записке министра его величеству задан вопрос: "Будет ли равняться с университетом или занимать среднее место между ними и гимназиями? Царский ответ: "С университетами".

Мать. Это для мальчиков десяти годов?

Дядя. Да весь курс - 6 лет. А далее - служба без промедления.

Музыка.

Пушин. У меня разбежались глаза: кажется, я не был из застенчивого десятка, но тут как-то потерялся - глядел на все и ничего не видел. Вошел какой-то чиновник с бумагой в руке и начал выкликать по фамилиям. Я слышу: "Александр Пушкин!" - выступает живой мальчик, курчавый, быстроглазый, тоже несколько сконфуженный. По сходству ли фамилий, или по чему другому, несознательно-сближающему, только я заметил его с первого взгляда.

Музыка.

5 ведущий. В середине октября лицейские собрались. В одиннадцатом номере поселился Володя Вольховский, мальчик смуглый и черноволосый, похожий на галку и никогда не улыбающийся. Он привез с собой груду книг, все больше про великих людей.

6 ведущий. Дальше по коридору жил долговязый Илличевский, юноша болтливый и сварливый. Весь коридор знал, что Илличевский рисует картинки и собирается после Лицея стать знаменитым поэтом. По другую сторону коридора в тридцать третий номер поселили Дельвига, который сразу по приезде лег спать.

4 ведущий. В тридцать восьмой номер внесли вещи Кюхельбекера. Вильгельм пошел знакомиться с соседями, на ходу поспорил с Дельвигом, но тут же помирился, одолжил

у Пушкина мелок и написал на двери под своей фамилией: “Студент”. Инспектор Пилецкий велел эту надпись стереть.

5 ведущий. Пушкин приехал одним из последних. Он не тосковал по дому, как Жанно Пушкин, в лице ему понравилось.

Пушкин (Пушину). Мы тут как монахи в монастыре, то будем сидеть по кельям, а по ночам куролесить. Послушай, Пушкин, давай ночью сходим на разведку. Тут, кажется, есть прямой ход во дворец через церковь.

Пилецкий. Господа! Пройдите в большой зал. Вас будут учить представляться царствующим особам.

Кюхельбекер. Господа! Это ни на что не похоже! Нас заставляют кланяться пустому креслу, как швейцарской шляпе Гесслера.

Илличевский. Какого Гесслера?

Кюхельбекер. Тирана из трагедии Шиллера “Вильгельм Телль”!

Дельвиг. Охота тебе, Кюхля, читать Шиллера! У нас не трагедия... скорее комедия.

Корф. Нельзя отрицать, в свете поклон имеет большое значение.

Кюхельбекер. Ну и учись кланяться.

Илличевский. Между Вильгельмом Теллем и Вильгельмом Кюхельбекером безусловно есть что-то общее.

Музыка.

1 ведущий. 19 октября 1811 года состоялось открытие Лицея, на котором кланялись уже не пустому креслу - в нем сидел император. Это был рыжеватый и лысоватый человек с пустыми голубыми глазами. Его считали красавцем, и действительно, он был строен и легко танцевал на придворных балах. Но, поглядев на холодное лицо Александра I, на котором застыла неподвижная усмешка, Пушкин почувствовал что-то вроде раздражения.

2 ведущий. Чиновник министерства просвещения читал указ высоким дребезжающим голосом. Вслед за ним директор Малиновский прочел кем-то написанную речь: его собственную “речь” забраковали в министерстве за вольнолюбивые мысли.

1 ведущий. Затем вышел профессор Куницын. Его блестящую речь лицейские запомнили надолго.

Пушкин.

Вы помните: когда возник Лицей,
Как Царь для нас открыл чертог Царицын -
И мы пришли, и встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей...

2 ведущий. Вечером, разойдясь по своим кельям, лицеисты готовились ко сну. Каморки были малы: железная кровать, конторка, умывальник - вот и все убранство. В 9 часов тушили свечку металлическим колпачком. Никто не входил в каморку, но и свечей добавочных не выдавали: сжег - сиди в темноте. Сразу не засыпали - потихоньку переговаривались через тонкую перегородку.

Пуштин. Послушай, Пушкин, ты кем собираешься стать?

Пушкин. Скорее всего, гусаром. А ты?

Пуштин. Я тоже, пожалуй, в кавалерию.

Пушкин. Послушай, Жанно, сходим во дворец?

Пуштин. Сходим, только сапог не надевай, а то услышат.

Пушкин. Как ты думаешь, есть там кто-нибудь?

Пуштин. Караул стоит у наружных дверей. А в залах Екатерины могут быть только привидения.

Пушкин. Например?

Пуштин. Мало ли кто? Может быть, сама покойная императрица в белом парике и бальном платье с лентой. Не ходит, а плавает по воздуху.

Пушкин. Послушай, Жанно, неужто ты веришь в привидения?

Пушин. Нет.

Пушкин. И я не верю. Старушка мирно спит в Петропавловском соборе. Так что нечего бояться... Жанно, кто там ходит по коридору?

Пушин. Наверно, дежурный дядька Фома.

Пушкин. Жанно, это не дядька. У дядьки сапоги скрипят. А этот ходит неслышно.

Пушин. Как же ты знаешь, что он ходит?

Пушкин. Он шуршит возле дверей.

Пушин. Саша, это Пилецкий. Он ходит от одной двери к другой и молится.

Пушкин. Молится? Как бы не так! Он подслушивает!

Музыка.

1 ведущий. Утром ночные тревоги забывались. Лекции профессора словесных наук Кошанского проходили весело. Человек он был круглый, пухлый и приятный, но близорукий. Сидя за кафедрой, он не мог издали разглядеть учеников, которые каждый за своей конторкой занимались разными делами: одни читали книги (это были Кюхельбекер и Вольховский), другие дремали (Дельвиг и Малиновский), третьи рисовали (Илличевский), четвертые смотрели по сторонам и перешептывались (Пушкин да Пушин). Слушали профессора немногие. Записей не вел никто.

Кошанский. А теперь, господа, будем пробовать перья. Опишите мне, пожалуйста, розу стихами.

1 ведущий. Кошанский прохаживался между рядами, иногда поднося к глазам лорнет. Возле Илличевского он задержался.

Кошанский. “Цветок прекрасен, коим днесь украшен”. Прекрасен - украшен. Тяжеловато, друг мой. Повторенье схожих звуков в одной строке не способствует украшению стиха.” Днесь” - слово старое. А впрочем, продолжайте... Пушин, что же вы?

Пушин. У меня ничего, господин профессор.

Кошанский. Напрасно, друг мой! Я не жду от воспитанников сочинений, равных по таланту стихам Державина. Но умение излагать свои мысли начинается именно с сочинений. Впрочем, неволить никого не буду. Пушкин, что у вас?

Пушкин. Пока ничего.

Пушин. Неужто и у тебя не выходит?

Пушкин. Вот, господин профессор.

Кошанский. О! Как скоро! Читайте же, прошу вас!

Пушкин.

Где наша роза?

Друзья мои!

Увяла роза,

Дитя зари!

Не говори:

“Вот жизни младость...”

Кошанский. Прелестно, мой друг, не по вашему возрасту прелестно! Хотя и напоминает некоторые создания легкой французской поэзии. Впрочем, к разбору сочинения вашего мы вернемся на следующей лекции. Илличевский, что у вас?

Илличевский. Я не успел дописать, господин профессор.

Звонок на перемену.

Пушкин. Послушай, Жанно, помнишь, Куницын говорил о праве естественном? Кто поступает с другими людьми, как с вещами, тот противоречит понятиям собственного разума.

Пушин. “С людьми, как с вещами”? Это он про крепостных мужиков?

Пушкин. Да, похоже на Радищева.

Пушин. Ты видел книгу Радищева?

Пушкин. Да, у дяденьки моего Василия Львовича. Переписано от руки.

Пушин. И тебе Василий Львович позволил ее читать?

Пушкин. Да нет, не то что позволил... Но шкаф его не запирается.

Пушин. И ты ее всю прочел?

Пушкин. Не все. Почерк неразборчивый.

Кюхельбекер. Послушай, Вольховский, почему ты постоянно носишь две тяжелых книги?

Вольховский. Для упражнения терпения.

Кюхельбекер. А камешки в рот зачем кладешь, когда читаешь стихи?

Вольховский. Древний оратор Демосфен поучал, что сие лучший способ научиться говорить понятно.

Кюхельбекер. Вот это подлинный Суворов! Это он учится ездить на коне. И, несомненно, будет великим полководцем.

Пушин. Ты сегодня в ссоре с Кюхлей?

Малиновский. С утра помирился.

Пушин. А с Дельвигом?

Малиновский. С Дельвигом? Я нынче с ним не ссорился.

Пушин. Вот и не ссорьтесь. А то к вечеру придется опять вас мирить.

Малиновский. Ах ты, Жанно! Да ты всем приятель.

Пушин. Ну, не всем... Но это скучно каждый день бешеных мирить.

Пушкин. Жанно - прелесть!

Звонок. Урок математики.

Проф. Карцов. Господа! Прошу по местам. Алгебраическую задачу решает Пушкин. Берите мел. Записывайте решение... Ну-с, что же вышло? Чему же равняется икс?

Пушкин. Нулю.

Карцов. Хорошо! У вас, Пушкин, в моем классе все кончается нулем. Садитесь на свое место и пишите стихи.

Пушкин. В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал.
В те дни, в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться Муза стала мне.
Моя студенческая келья
Вдруг озарилась: Муза в ней
Открыла мир молодых затей,
Воспела детские веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

Музыка.

2 ведущий. Война 1812 года.

Пушкин. Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались,
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас... И племена сразились.
Русь обняла кичливого врага,
И заревом Московским озарились
Его полкам готовые снега.

Куницын. Каждый из нас, господа, незримо присутствует духом на полях сражений, ибо у кого из нас нет родичей в войске?

Кюхельбекер. У меня кузен в армии!

Пушкин. А моих родственников нет...

Куницын. Не о родственниках говорю я, а обо всем русском, народе русском. Ибо народ сей есть подлинный герой! Подобно древним римлянам, даст он скорее руку себе отрубить, чем покорится завоевателю. Не печальтесь, Пушкин, а гордитесь тем, что и вы к сему народу принадлежите!

Малиновский. Жаль, что мы еще не можем быть военными.

Пушин. Не можем? Отчего же? Мы можем быть вестовыми или посыльными.

Малиновский. Ты думаешь, Жанно? Ведь для этого надобно уметь ездить верхом. (*Кюхле*) А что же твой родственник Барклай?

Кюхельбекер. О! Что ты хочешь сказать?

Малиновский. Ничего!

Кюхельбекер. О! Я понимаю! Ты думаешь, что Барклай изменник! Я готов дать тебе удовлетворение!

Малиновский. В военное время дуэли запрещены, а я тебя просто поколочу.

Кюхельбекер. Невежа и глупец!

Пушин. Хватит вам, оба вы ослы!

(Кюхельбекер убегает).

Пушкин. Послушай, Жанно, так продолжаться не может. Москва - моя родина. Злодей в Москве, а мы едем в Або... Надобно что-то делать, принять какие-то меры.

Пушин. Какие меры?

Пушкин. Отправиться к Кутузову и попроситься в армию.

Пушин. Мне и Малиновский то же самое говорил. Но возьмет ли нас Кутузов? Я другое думаю... бежать!

Пушкин. Куда?

Пушин. В Москву. Мы переоденемся в простонародное платье, нападём на Наполеона и убьём его.

Пушкин. И нас расстреляют!

Пушин. Верно. Вспомни, что говорил Куницын: "Любовь к славе и отечеству должна быть вашим руководителем".

Пушкин. Отлично! Бежим хоть сейчас!

Пушин. Не сейчас. Кто нас выпустит? Это следует приготовить. Хотят бежать Кюхля и Малиновский, всего нас будет четверо. Да и как доберемся мы до Москвы?

Пушкин. Пешком.

Пушин. Что ты, Пушкин, пешком мы до Нового года не дойдем до Москвы! Надо все приготовить.

Пушкин. Послушай, Малиновский, уговори местного ямщика довезти нас до Твери. А там мы и до Москвы доберемся.

Малиновский. А французские караулы?

Пушкин. Пустяки! Мы отлично говорим по-французски и можем выдать себя за французов, спасающихся бегством из Петербурга.

Пушин. Мысль недурна, но никому ни слова! Когда наступит время, я подам сигнал.

Малиновский. А если хватятся в Лицее?

Пушин. До завтрака не хватятся. Только скажем об этом Кюхле.

Пушкин. Кюхля не поедет. Он просил разрешения у матушки и нынче получил от нее письмо. Она запретила ему мечтать о военной службе и отлучаться из Лицея.

Пушин. Мои все равно не разрешили бы, да ведь мы идем не на военную службу. Мы хотим совершить подвиг. Нужно ли в таких случаях спрашиваться?

Пилецкий. Бежать задумали? Забывши о родителях, наставниках, о долге перед Государем? Более того - забыли о Боге! Неужто думаете его обмануть? К директору!

1 чтец.

Сыны Бородина, о кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи,
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?

Музыка.

2 чтец.

Златые дни! Уроки и забавы,
И черный стол, и бунты вечеров,
И наш словарь, и пляски мирной славы,
И критики лицейских мудрецов.

1 ведущий. Журнал сохранился чудом. Но благодаря Яковлеву и Матюшкину полвека спустя отыскали небольшой альбом в темно-красном переплете, а в нем четыре номера журнала.

2 ведущий. В типографии Данзаса.

3 ведущий. Печатать позволяет. Цензор барон Дельвиг.

1 ведущий. Почерк Корсакова, Данзаса (лентяй Кабуд заделался прозаиком!). Участвуют еще несколько лицейских (Мартынов, Ржевский). Рисунки Илличевского.

2 ведущий (читает). “Осел-философ”.

Я слышал, помнится, где-то, что в древние века ослы были в большом почете...

Племя разумных ослов почти совсем истребилось, однако же осталось несколько ослов, которые, несмотря на пагубное течение залива правды, на сияние, как бы сказать, лягушачьего сиропа, потеряли всякий бюст всемирной истории...

Что, Читатель? Неужто не понял ты, что это бессмыслица? Экий дурак! Смейтесь над ним... Ха! Ха! Ха! Ха!

1 ведущий.

Ха! Ха! Ха! Хи! Хи! Хи!

Дельвиг пишет стихи!

3 ведущий. «На этих днях произошла величайшая борьба между двумя монархиями. “Тебе известно, что в соседстве у нас находится длинная полоса земли, называемая Бехелькюкериада, производящая великий торг мерзейшими стихами, и, что еще страшнее, имеющая страшную артиллерию. В соседстве сей монархии находилось государство, называемое Осло-Доясомев, которое известно по значительному торгу монетами, париками, цепочками, честями и проч. Последняя монархия, желая унижить первую, напала с великим криком на провинцию Бехелькюкериады, называемую “глухое ухо”, которая была разграблена; но за то сия последняя отомстила ужасным образом: она преследовала неприятеля и, несмотря на все усилия королевства Рейема, разбила совершенно при местечках Щек, Спин и проч.».

Данзас. Если же для будущего нумера вы мне ничего не пришлете стихотворного или прозаического, если же ваши Карамзины не развернутся и не дадут мне каких-нибудь смешных разговоров, то я сделаю вам такую шутку, от которой вы не скоро отделаетесь. Подумайте! - Он не будет издавать журнал? - Хуже! - Он натрет ядом листочки Лицейского мудреца? - Вы почти угадали: я подарю вас усыпительною балладою г-на Гензеля!!!

Все. О! Нет! Не надо!

Музыка.

4 ведущий. Императорский царскосельский Лицей имеет честь уведомить, что 4 и 8 января 1815 года от 10 часов утра до 3-х по полудни, имеет быть в оном публичное

испытание воспитанников первого приема, по случаю перевода их из младшего в старший возраст.

5 ведущий. Итак, гости съезжаются: важные генералы, официальные лица, родственники лицеистов.

4 ведущий. Спустя годы, Пушкин вспоминал: (*читает*)

«Державина я видел только однажды в жизни, но никогда этого не забуду. Это было в 1815 году, на публичном экзамене в Лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались.

Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш его очень утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвисли. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен по русской словесности».

Пушкин. Наконец вызвали меня. Я прочитал мои “Воспоминания в Царском Селе”, стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом. Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении, он меня требовал, хотел обнять. Меня искали, но не нашли.

5 ведущий. После экзамена состоялся торжественный обед, где министр Разумовский сказал Сергею Львовичу Пушкину: “Я бы желал, однако же, образовать вашего сына в прозе”. На что стоящий рядом Державин с жаром возразил: “Оставьте его поэзии”.

Музыка.

Чтец. 1 Промчались годы заточенья,

Недолго, мирные друзья,
Нам видеть кров уединенья
И царскосельские поля.
Разлука ждет нас у порога,
Зовет нас дальний света шум,
И каждый смотрит на дорогу
С волненьем гордых, юных дум.

4 ведущий. Наступают дни прощанья. Дельвигу, собрату по музе и судьбе, - первое прости:

В бездействии счастливым
Забуду милых муз, мучительниц моих,
Но, может быть, вздохну в восторге молчаливом,
Внимая звуку струн твоих.

5 ведущий. Второе прощание - с князем, Франтом:

Встречаюсь я с осьмнадцатой весной,
В последний раз, быть может, я с тобой,
Задумчиво внимая шум дубравный,
Над озером иду рука с рукой.

4 ведущий. Особое событие - разлука с Кюхлей:

Прости! Где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли берегах родимого ручья,
Святому братству верен я.
И пусть (услышит ли судьба мои молитвы?),
Пусть будут счастливы все, все твои друзья!

Пушкин. Друзья мои, прекрасен наш союз!

Он, как душа, неразделим и вечен!
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.

Куда бы нас не бросила судьба,
И счастье б куда ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина,
Отечество нам - Царское Село.